

УДК 343.13  
DOI 10.34822/2312-3419-2019-4-90-97

**Максуров А. А.**  
**Maksurov A. A.**

## **РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ ХОДАТАЙСТВ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ФОРМА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

### **COURT RESOLUTION OF INVESTIGATOR'S PETITIONS AS FORM OF JUDICIAL CONTROL AT PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEDURE**

В статье проанализированы проблемы одной из форм судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса – разрешения ходатайств следователя. Судебный контроль рассмотрен как особая разновидность государственной контрольной деятельности.

The article describes the problems of determining judicial control at the pre-trial stage of the criminal procedure, in particular, the resolution of investigator's petitions. In this case, judicial control is considered as a special type of state control activity.

*Ключевые слова:* суд, контроль, досудебная стадия, уголовный процесс, юридическая деятельность.

*Keywords:* court, control, pre-trial stage, criminal procedure, legal activity.

Санкционирование судом производства тех или иных следственных действий является одной из наиболее значимых форм судебного контроля.

Полномочия суда по санкционированию в самом общем виде перечислены в ст. 29 УПК РФ, которая сформулирована в достаточно императивном тоне – с указанием на то, что только суд правомочен принимать такие решения.

Нет особого смысла перечислять все указанные полномочия суда, так как основные мы рассмотрим далее; к тому же нас больше интересует то общее, что можно выделить в вопросах судебного санкционирования на досудебной стадии уголовного процесса.

К числу наиболее «популярных» (с точки зрения судебной статистики) полномочий относим сначала «традиционные» виды.

Прежде всего, это производство обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 и п. 2 ст. 29 УПК РФ) или же производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 и п. 2 ст. 29 УПК РФ).

Статистика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что как количество обращений в суды по указанным выше вопросам, так и количество удовлетворенных судом ходатайств имеют незначительную тенденцию к увеличению за последние пять лет [1], что, с одной стороны, возможно, связано с активизацией работы правоохранительной системы, стремящейся в борьбе с преступностью использовать весь арсенал предоставленных ей законом правовых средств, а с другой – с такими негативными явлениями в правоохранительной практике, как стремление производством обыска в жилище или его осмотром оказать дополнительное давление на лиц, попавших в круг интересов правоохранительных органов по конкретному делу (когда обыск проводится в жилище, явно не имеющем никаких следов предполагаемого преступника), либо желание улучшить собственную статистику возможным выявлением и раскрытием (в результате обыска) каких-либо незначительных преступлений (например, ненадлежащего хранения боеприпасов (патронов) или кухонных ножей, подпадающих под понятие «холодное оружие» по своим характеристикам).

Для того, чтобы иметь общее представление о нагрузке на судей по такой категории дел и об удельном «весе» данной категории дел среди других вопросов санкционирования, приведем текущие абсолютные цифры.

Так, в 2018 году судами Российской Федерации рассмотрено 126 838 ходатайств о производстве обыска или выемки в жилище, из которых удовлетворено 120 682; за тот же период судами рассмотрено 62 598 ходатайств о производстве осмотра жилища без согласия проживающих там лиц, из которых удовлетворено 60 022 [1].

Разберем этот вопрос подробнее. Ограничение права на жилище в своем санкционировании отнесено к компетенции суда потому, что относится к значимым конституционным правам личности.

Следует отметить, что в тексте самой Конституции РФ говорится именно о неприкосновенности жилища, а это представляется нам более широким понятием, чем понятие «жилое помещение», которое определено отраслевым законодательством. Видимо, соотношение данных понятий можно рассматривать как отношение рода к виду. Из указанного следует вывод о том, что само по себе сужение или иное ограничительное понимание категории «жилище» в судебной практике по уголовным делам уже потенциально может нарушать права граждан.

Положение усугубляется еще и тем очевидным обстоятельством, что в различных отраслях отечественного права нет единства понимания содержания понятий «жилище» и «жилое помещение», которые иногда расцениваются как равнозначные, а иногда как различающиеся категории.

Например, существует режим так называемой «самовольной постройки», которая, в силу ст. 222 ГК РФ, может быть «полноценным» жилым домом, объектом, используемым для проживания, хотя и возведенным без получения соответствующих разрешений в установленном для этого законом порядке.

Судебное санкционирование о снятии неприкосновенности с такого рода объекта представляется достаточно спорным. Фактически домовладение существует и, возможно, даже используется для реального проживания людей. С другой стороны, с точки зрения признания государством права собственности на недвижимое имущество, данное строение не зарегистрировано как объект права собственности с указанием на его «жилое» предназначение; у него, с точки зрения гражданского права, отсутствует собственник, а с позиции административного права – адрес.

При этом такие ситуации достаточно часты на территориях сельской местности, где возведенные сооружения годами являются временными, а права на них могут быть не зарегистрированы и десятки лет.

Полагаем, что в данном конкретном случае все-таки целесообразнее предусмотреть дополнительные гарантии соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища.

Понятие жилого помещения определяется жилищным правом, которое предоставляет нам сущностные характеристики жилого помещения в ст. 15 и ст. 16 Жилищного Кодекса РФ. К числу таких характеристик жилищный закон относит: изолированность жилого помещения, его пригодность для постоянного (вне зависимости от сезона) проживания, соответствие стандартам жилья, его предназначенность для проживания граждан, которые в процессе проживания могут удовлетворять бытовые и иные нужды. Лишь при наличии этих условий помещение можно считать жилым.

Таким образом, в жилищном законодательстве нет указания, что такого рода помещение обязательно должно входить в соответствующий жилой фонд. Более того, специалисты отмечают, что даже само по себе принятие решения о признании жилого помещения непригодным для проживания (например, в случае его аварийности, износа) не влечет утрату им статуса жилища, в связи с чем, пока в нем фактически проживают люди, оно остается жилым, и при совершении следственных действий здесь также должны быть соблюдены правила о неприкосновенности жилища [2].

Несколько иначе к вопросу относится уголовный закон: из примечания к ст. 139 УК РФ следует, что под жилищем необходимо понимать объект либо прямо определенный как «постоянное жилье», а именно индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, входящий в жилищный фонд и пригодный для постоянного или временного проживания, либо иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

Если проводить сравнение с пониманием жилья в жилищном законодательстве, то мы установим два существенных момента. Во-первых, уголовный закон упоминает лишь об одном из видов объектов, предусмотренных ст. 16 ЖК РФ, – об индивидуальном жилом доме, не указывая нам на иные возможные разновидности жилого помещения – квартиру или комнату. Во-вторых, по сути, уголовный закон относит к жилому любое помещение, которое хотя бы предназначено для временного проживания в нем граждан.

Еще шире рассматривает вопрос уголовно-процессуальный закон: на основании п. 10 ст. 5 УПК РФ жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение (независимо от формы собственности), входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

В таком определении органично совмещены позиции иного отраслевого законодательства: во-первых, полностью перечислены виды жилых помещений, как их предусматривает жилищный закон, и, во-вторых, приоритет отдается самому факту проживания в помещении (в том числе и временному), а не его изначальному или последующему назначению, вхождению в жилой фонд, регистрации самого объекта и прав на него, наличию почтового адреса и пр.

Соответственно, гарантии неприкосновенности жилища должны распространяться на самовольно возведенное строение, недостроенное строение, временное сооружение, например, «вагончик», если в нем реально проживают люди.

В этой связи на практике возникают две проблемы. Во-первых, в отличие от уголовно-процессуального закона, в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности понятие «жилище» в его предназначении данной разновидности отраслевого законодательства отсутствует. В этой связи, мы полагаем, что сами по себе гарантии при ограничении прав на неприкосновенность жилища в оперативно-розыскной деятельности не должны быть меньшими, чем при производстве следственных действий в соответствии с УПК РФ.

Мы предлагаем дополнить ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] примечанием № 1, в котором указать, что «понятие жилого помещения в целях настоящего Федерального закона определяется по правилам п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации».

Во-вторых, проблему для обеспечения прав на неприкосновенность жилища и соблюдения всех необходимых гарантий при его ограничении представляет неопределенность статуса апарт-отелей как разновидности жилья.

Апарт-отели, безусловно, являются отдельным изолированным помещением, но не указаны в качестве жилого помещения в ст. 16 ЖК РФ, хотя в реальности апарт-отели используются именно для постоянного проживания [4]. Более того, в мегаполисах это самый распространенный тип вводимого в оборот жилья; пик введения в эксплуатацию апарт-отелей, пришелся на 2014 год, когда, например, только в Москве было возведено около 2 млн кв. м апарт-отелей, а с позиции объемов продаж апарт-отели составили порядка 40 % [5]. Соответственно, давно назрела необходимость придания апарт-отелям статуса жилого помещения в силу закона.

Мы полагаем, что проблема может быть решена одним из двух возможных путей:

- во-первых, возможно дополнить п. 1 ст. 16 Жилищного Кодекса РФ [6] подпунктом четвертым, указав, что к жилым помещениям относятся в числе прочего и апарт-отели;

- во-вторых, не исключается уточнение п. 10 ст. 5 УПК РФ указанием: «включая апартаменты».

Таким образом, правильное понимание термина «жилище» как юридической уголовно-процессуальной категории будет иметь большое значение для обеспечения конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, их законного судебного и внесудебного ограничения.

Анализ судебной практики по данной категории дел (дела, связанные с обжалованием обыска в жилище, осмотра жилища, выемки) традиционно касается двух моментов: наличия самих оснований для производства обыска (а при его санкционировании постфактум – вопроса о безотлагательности, не дающей возможности получить соответствующую санкцию суда в обычном порядке) и самого порядка проведения обыска, что относится уже к рассмотрению судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Суды почти никогда не вмешиваются в вопрос о наличии у органа расследования оснований для производства обыска занимаемых жилых помещений в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и членов их семей. Об этом свидетельствует и приведенная нами выше статистика: в 2018 году суды санкционировали производство обыска более чем в 95 % случаев. Исследования иных 5 % дел показывают, что отказы касаются, как правило, ситуаций, когда обыск проводится у свидетеля, даже потенциально не имеющего в будущем статуса подозреваемого (обвиняемого), у специального субъекта (адвоката, следователя, прокурора, судьи, депутата), а также иных нетипичных случаев.

Среди существенных недостатков последующего санкционирования (то есть одобрения ранее проведенного обыска постфактум) производства обыска в жилище мы видим два момента.

Во-первых, суды, соглашаясь с правомерностью производства обыска, как правило, никак не обосновывают его безотлагательность, просто констатируя это обстоятельство как данность, хотя должна иметь место реальная угроза как основание для безотлагательных мер. Во-вторых, не принимаются во внимание доводы заявителей о том, что следователь должен был при производстве обыска конкретизировать, какие орудия, предметы и средства совершения преступления должны были быть выданы перед проведением обыска, чем нарушено право обыскиваемых на добровольную выдачу [7].

Указанное приводит к практике, когда обыски без судебного санкционирования производятся в дневное время в рабочие дни суда при отсутствии ситуации преследования преступника, по делам о преступлениях средней тяжести и т. п. Причем по делам о преступлениях о причинении вреда жизни или здоровью могут быть изъяты денежные средства и ценные вещи, никак не относящиеся к предмету доказывания.

В современных условиях обыск является попыткой как дополнительного давления на участника процесса в целях получения от него нужных следствию показаний, так и воспрепятствования адекватной защите лица (например, в случае изъятия хранимых дома денежных сумм при отсутствии денежных средств во вкладах может сложиться ситуация невозможности оплаты услуг адвоката).

По данной категории дел суды зачастую не стремятся как можно быстрее и эффективнее рассмотреть жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, в результате чего, вследствие изменения обстановки, права заявителя остаются незащищенными, причем это касается и осмотра жилища без разрешения проживающего в нем лица или собственника жилого помещения.

Так, например, следователь без оснований проник в жилое помещение и провел осмотр жилища без разрешения проживающего в нем лица или собственника жилого помещения, а также в их отсутствие без постановления следователя и без решения суда, вынесенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Более того, после проведения осмотра следователь не обеспечил сохранность оставшегося в комнате гражданина имущества, допустив в течение, по меньшей мере, шести месяцев свободный доступ в данное помещение любых лиц, чем причинил ущерб (пропали вещи, паспорт и другие личные документы). Следователь мотивировал свои действия неотложностью, преследованием преступника, который, по его предположению, мог находить-

ся в комнате, уже имевшимся в комнату свободным доступом, так как замок был сорван, а также указал на формальное соблюдение норм УПК РФ, так как при осмотре жилища присутствовали понятые. То есть, следователь вел единый протокол осмотра места происшествия (нежилого помещения, не имеющего отношения к заявителю), а затем, действуя в рамках первоначального следственного действия, переместился с понятыми в открытую комнату общежития.

Суд первой инстанции отказал в принятии жалобы представителя проживающего в жилом помещении лица к рассмотрению, указав, что действия следователя по проведению осмотра места происшествия и протокол осмотра не относятся к действиям и решениям, подлежащим обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, и осуществление судебного контроля будет противоречить закону и приведет к предрешению судом вопросов, которые могут стать предметом судебного разбирательства. Суд апелляционной инстанции указал, что нижестоящий суд не исследовал документы, представленные для индивидуализации правового статуса комнаты.

Однако на момент рассмотрения апелляционной жалобы предварительное расследование по уголовному делу в отношении самого заявителя было завершено, и дело уже находилось в производстве суда, в связи с чем жалоба заявителя на незаконные действия по проведению осмотра места происшествия и протокол осмотра места происшествия не могут быть приняты к производству суда в порядке ст. 125 УПК РФ, поэтому в принятии жалобы к производству должно быть отказано [8].

Анализ судебной практики по жалобам в отношении самого порядка проведения обыска не выявил каких-либо стандартных случаев, подлежащих обобщению и реагированию на них в виде изменений уголовно-процессуального или иного законодательства, а также путем судебного толкования той или иной нормы вышестоящими судебными инстанциями.

В основном выявлены следующие нарушения:

- следователи не разъясняют права лицам, жилище которых обыскивается;
- следователи ищут и изымают предметы, в том числе не имеющие отношения к делу;
- понятые заинтересованы в результатах следственного действия (так или иначе связаны с сотрудниками полиции, следователем) или не контролируют весь ход обыска (осмотра) в жилище;
- неправомерные действия следователя (подбросил доказательства обвинения, украл что-то ценное).

Между тем практика показывает, что суды полагают, что для доказывания фактического разъяснения прав вполне достаточно одной отметки в протоколе, лучше, если имеются и подписи понятых. При этом суды, к сожалению, безосновательно поддерживают презумпцию правомерности действий следователя и часто стараются «легализовать» его действия рассуждениями, например, такого типа: нельзя говорить о том, что права не разъяснены, если лицо, жилище которого обыскивается, воспользовалось каким-либо своим правом, в частности, заявило ходатайство в самом протоколе обыска.

К сожалению, гораздо большей проблемой является отсутствие связи между тем, что следователь ищет (в том числе, предлагает выдать добровольно), и реально изымаемыми предметами. Например, имеют место случаи изъятия денежных средств по делам о причинении вреда здоровью, половых преступлений и т. п.

Полагаем, что уголовно-процессуальный закон в данном случае не получится освободить от оценочных категорий, однако Верховный Суд Российской Федерации в своих руководящих разъяснениях должен требовать от нижестоящих судов указания на конкретные изымаемые виды объектов, например, носители информации, документы и пр. Изъятие иных предметов следует признавать незаконным.

При рассмотрении вопроса о полноте участия в следственном действии понятых и их незаинтересованности Верховный Суд РФ также должен ориентировать нижестоящие суды на вызов и допрос понятых непосредственно при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ: на практике при наличии в жалобе такого довода сам следователь, то есть лицо, действия которого и обжалуются, допрашивает понятых в качестве свидетелей и приобщает копии протоколов допросов к судебному делу.

В отношении предполагаемых неправомерных действий следователя, имеющих отдельные признаки уголовно-наказуемого деяния, мы полагаем совершенно правильным исключение такого рода доводов (жалоб) из числа рассматриваемых в порядке ст. 125 УПК РФ; они должны рассматриваться компетентным органом исключительно в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Среди других наиболее популярных санкционируемых судом следственных действий можно указать контроль телефонных соединений между абонентами: в 2018 году в суды поступило 250 921 такое ходатайство, из которых было удовлетворено 242 720 [1]. Наверное, здесь присутствует и некоторая «дань моде»: такого рода информация вполне может иметь значение для производства оперативно-розыскных мероприятий (установление круга общения того или иного лица), но вряд ли может быть так массово востребована в рамках расследования уголовного дела.

Также в рамках оперативно-розыскной деятельности осуществляется и контроль телефонных переговоров (58 793 ходатайства в 2018 году, из которых удовлетворено судами 57 135 ходатайств) [1].

Столь значительное вмешательство государства в частную жизнь российских граждан позволяет отдельным политическим деятелям говорить о торжестве в России «полицейского государства». Так ли это на самом деле – вопрос, относящийся к области политики, а не юриспруденции, однако нельзя обойти вниманием такой, например, факт, что в США, где контроль телефонных переговоров используется очень часто, судьи за то же время в абсолютных цифрах выдали в 204 (!) раза меньше разрешений, чем российские судьи [9], при том что численность населения США в 2,27 раза больше, чем численность россиян [10].

Еще одним достаточно «популярным» санкционируемым судом следственным действием является производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ): в 2018 году суды рассмотрели 65 034 таких ходатайств, из которых 62 678 удовлетворили.

В силу ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 29.05.2019) «О банках и банковской деятельности» [11] кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) – имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество. Она может быть банком и небанковской кредитной организацией.

Между тем в настоящее время в современных макроэкономических условиях появились такие виды кредитования как кредитные союзы, кассы взаимопомощи и т. п., не всегда образуемые в форме хозяйственных обществ и нуждающиеся в лицензии Банка России. При профессиональных союзах, которые не являются юридическими лицами, не запрещено даже создание касс взаимных взносов. Существуют паевые инвестиционные фонды. Имеются инвестиционные фонды, куда вообще вносятся не денежные средства, а имущественные права, например, права в сфере результатов интеллектуальной деятельности, право аренды и пр.

Соответственно, информация о частных лицах в указанных случаях также подлежит защите, а ее получение – судебному санкционированию, в связи с чем круг источников информации, указанных в п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, должен быть увеличен, причем в законодательном порядке, так как Верховный Суд РФ не вправе будет распространить требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законом к получению сведений из кредитных организаций, на другие виды организаций, расширив тем самым объем понятия «кредитная организация» заведомо неверно в сравнении с банковским законодательством.

В этой связи показательна практика рассмотрения жалоб на арест имущества участников дела, хотя сам по себе арест и не относится к следственным действиям. Здесь мы значительных проблем, требующих именно научного анализа, не обнаружили, однако, к сожалению, у судов нередко усматривается явный обвинительный уклон.

Так, у предпринимателя, подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258.1. УК РФ (незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации), был арестован автомобиль «Toyota Aqua». Из обстоятельств дела усматривается, что предприниматель длительное время имеет статус подозреваемой, ущерб от инкриминируемого ей деяния в конкретной сумме не установлен, автомобиль принадлежит другому лицу (это не оспаривается органом расследования), подозреваемая использует его по доверенности в рамках своей предпринимательской деятельности.

По нашему мнению, в этой ситуации суд необоснованно отказал в отмене ареста на автомобиль, указав, что автомобиль принадлежит дочери подозреваемой, проживающей совместно с ней. Однако и права дочери – собственника автомобиля – суд не признал нарушенными, поскольку наложение ареста на имущество само по себе не сопряжено с лишением собственника его имущества либо переходом права собственности к другому лицу либо государству и носит временный характер. Разрешение на наложение ареста на имущество не может рассматриваться как несправедливое и несоразмерное ограничение прав собственника по распоряжению данным имуществом, так как арест имущества при наличии оснований, указанных в ст. 115 ч. 1 УПК РФ, является мерой процессуального принуждения, которая направлена на сохранность этого имущества и предотвращение его отчуждения третьим лицам и заключается именно в запрете свободно распоряжаться таким имуществом [12].

В данной ситуации решение суда, отказавшего в снятии ареста (при отсутствии спора о принадлежности самой автомашины, разбираемого в рамках уголовного дела), представляется нам крайне сомнительным. Доводы же суда о ненарушении арестом права собственности явно неверны с точки зрения существующих на сегодня в стране экономических реалий.

По одному из дел осужденный Калинин обратился в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на незаконные действия (бездействие) Бежецкого межрайонного прокурора Е. В. Логиновой, связанные с нерассмотрением в порядке ст. 144, 145, 151 УПК РФ его заявления на действия следователя Бежецкого МСО СУ СК РФ по Тверской области Т. А. Заложкиной, касающиеся расследования уголовного дела в отношении заявителя. Заявитель указал, что обратился в прокуратуру с заявлением о незаконном извлечении следователем Т. А. Заложкиной из его мобильного телефона и Интернета личной информации, которая впоследствии не была признана вещественным доказательством и судом не исследовалась при вынесении приговора и никак изначально не могла быть связана с инкриминируемым ему деянием. Данные действия совершены при расследовании уголовного дела без судебного решения, хотя, как мы полагаем, любое следственное действие, направленное на получение личной информации из памяти личного мобильного устройства, должно было быть надлежащим образом санкционировано судом.

Решением суда первой инстанции заявителю было отказано. В своей жалобе в суд апелляционной инстанции заявитель Калинин привел те же доводы, дополнив их тем, что, по его мнению, имела место и личная заинтересованность судьи в исходе дела, что вызывает сомнение в ее объективности и беспристрастности, поскольку именно эта судья постановила в отношении него обвинительный приговор и разрешала вопросы о продлении сроков содержания под стражей по данному делу.

Между тем апелляционной инстанцией Калинину в жалобе было отказано в связи с тем, что у следователя могли быть на момент расследования основания к получению указанных сведений, а поскольку они не стали доказательством по делу, нельзя говорить об их порочности. По делу уже постановлен вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, однако рассмотрение той же судьей в дальнейшем и самой жалобы Калинина не противоречит нормам УПК РФ [13].

Здесь мы приходим к необходимости выделения отдельного института следственного судьи, который бы не был связан собственными предыдущими решениями по делу.

Другие следственные действия, требующие судебного санкционирования, более традиционны и применяются намного реже. Применение названных норм УПК РФ многократно апробировано, поэтому нет особых проблем при реализации в судебной практике вопросов личного обыска (в 2018 году в суды поступило 1 323 ходатайства, из которых удовлетворено 1 276 ходатайств), ареста почтовой корреспонденции (в 2018 году в суды поступило 9 892 ходатайства, из которых удовлетворено 9 702 ходатайства), возмещения имущественного вреда (в 2018 году судами рассмотрено 70 таких вопросов, положительные решения приняты по 32 из них) и т. п. [1].

Таким образом, санкционирование судом производства тех или иных следственных действий является одной из наиболее значимых форм судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса, что подтверждается в числе прочего и анализом статистических данных. Нами показаны основные проблемы применения уголовно-процессуальных норм в указанной части, предложены пути устранения отдельных недостатков.

### Литература

1. Данные судебной статистики : офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Черепанов Г. Г. К вопросу о нормативном регламентировании понятия «жилище» и его влиянии на проведение оперативно-розыскных мероприятий // Рос. юстиция. 2016. № 7. С. 30–31.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ ; ред. от 06.07.2016 // СЗ РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
4. Полиди Т. Д., Байкова Т. К., Игуменов Е. В. Развитие рынка апартментов как пример неэффективной градостроительной политики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4. С. 60–74.
5. Шиловская А. Л. Правовой статус апартментов // Правов. вопр. недвижимости. 2015. № 2. С. 36–39.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ ; ред. от 15.04.2019 // Парламент. газ. 2005. № 7–8. 15 янв.
7. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 2 октября 2018 г. по делу № 22К-717/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/mlGleygedyQ1/> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 11 сентября 2018 г. по делу № 22К-1294/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/8iZ2AVONQ7Hh/> (дата обращения: 15.10.2019).
9. Простите меня, параноики. URL: <https://navalny.com/p/5093/> (дата обращения: 15.10.2019).
10. Население соединенных штатов Америки. URL: [https://countrysimeters.info/ru/United\\_States\\_of\\_America\\_\(USA\)](https://countrysimeters.info/ru/United_States_of_America_(USA)) (дата обращения: 15.10.2019).
11. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 6 ноября 2018 г. по делу № 22К-4996/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vf4tkdkvU268/> (дата обращения: 15.10.2019).
12. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 29 ноября 2018 г. по делу № 22К-2021/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/buQe3t7KBgQ/> (дата обращения: 15.10.2019).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года ; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».